

Тот старый разбойник некогда пообещал мне, что позволит тебе, Цэн-эр, унаследовать его титул маркиза при условии, что мы скроем твою связь с Павильоне Цяньчун. Он даже обманул меня, сказав, что Павильон Цяньчун — всего лишь мирская организация из Цзянху, недостойная столичного света, и если кто-нибудь узнает, что ты его молодой господин, то за спиной неизбежно поднимется шумиха. Какая же я была дура, что тогда потеряла рассудок и поверила ему! Все эти годы я прекрасно видела истинное лицо этого старика, но боялась, что, рассказав тебе правду, лишу тебя статуса наследника. Кто бы мог подумать, что он окажется настолько безжалостен... Цэн-эр, во всем виновата твоя мать, это матьгубила тебя!

Видя, как помрачнел взгляд Госпожи Чэнь, Ци Чэн мог лишь успокоить её добрым словом. Чэнь Чжун стоял неподалёку, опустив голову. Дождавшись, пока Госпожа Чэнь немного придёт в себя, он с полной серьёзностью произмолвил:

— Не беспокойтесь, госпожа. Даже ценой собственной жизни этот старый слуга доставит молодого господина к хозяину в целости и сохранности!

Ци Чэн удивился:

— Дядя Чжун, что это значит?

Чэнь Чжун пояснил:

— Стража императорского дворца и впрямь невероятно сурова, но с поместьем маркиза всё иначе. Стоит молодому господину последовать за старым слугой по тайному ходу, как снаружи нас встретят наши люди. Молодой господин, разве не для этого вы позвали меня?

Ци Чэн покачал головой и твёрдо произнёс:

— Я не уйду и не могу уйти!

Голоса Госпожи Чэнь и Чэнь Чжуна прозвучали почти одновременно:

— Почему?!

— Мама, дядя Чжун, поначалу я и сам не до конца понимал, почему отец так горячо поддержал мой брак с Седьмым принцем. Как ни крути, выдавать родного сына за Седьмого принца — значит неизбежно навлечь на себя пересуды и запятнать репутацию. Но, выслушав слова матери, я наконец всё понял. Дядя Чжун, скажи мне, какова истинная сила нашего Павильона Цяньчун?

— Равных нам в Цзянху нет, мы — некоронованные короли. Если говорить о богатстве — оно соперничает с сокровищницами целых государств; если говорить о людях — наши агенты раскинуты по всему миру; а если говорить о влиянии — стоит нам кликнуть, и откликнутся сотни тысяч, — в глазах Чэнь Чжуна сияли нескрываемая гордость и уверенность, а в самом голосе звучало глубокое чувство сопричастности к великому делу.

Ци Чэн неопределённо хмыкнул:

— И всё же, дядя Чжун, как ты думаешь, станут ли разные государства терпеть существование организации, которую не могут контролировать?

— О мадам и молодом господине не стоит беспокоиться. Глава павильона давным-давно заключил соглашение со всеми державами: Павильон Цяньчун никогда не объединится ни с одним государством и тем более не примет ничьего предложения сдаться на милость властей.

Ци Чэн кивнул:

— Верно, мощь Павильона Цяньчун поистине велика, а сбор и продажа информации принесли нам колоссальные богатства. Но чем масштабнее организация, тем сложнее переплетение связей внутри неё и тем труднее удерживать контроль. Павильон Цяньчун процветает столетиями лишь потому, что прежний расклад сил заставлял все стороны сдерживать друг друга. Каждому государству требовалась такая организация, как наша, чтобы прощупывать чужую силу, и именно это дало Павильону Цяньчун шанс на стремительный рост. И всё же, дядя Чжун, думаю, ты и сам видишь: Император Юньдэ правит уже двадцать восемь лет, за это время он предпринял шесть северных походов, трижды ходил войной на юг и развязал бесчисленное множество малых войн. Император нашего Государства Дачжоу давно охвачен непомерными амбициями. Неужели ты думаешь, что он упустит шанс расправиться с таким сильным союзником, как Павильон Цяньчун?

Зрачки Чэнь Чжуна слегка сузились:

— Молодой господин хочет сказать...

— Этим балаганом на самом деле управляет император. Он нарочно разыграл данный спектакль, поджидая, пока мы сами полетим в ловушку. Стоит мне сбежать, как у Императора Юньдэ окажутся железные улики против Павильона Цяньчун.

Ци Чэн бросил взгляд на Чэнь Чжуна:

— Дядя Чжун, я знаю, ты хочешь сказать, что Павильон Цяньчун не боится императорского гнева. Но кто такой Император Юньдэ? Его неизменный стиль — не наносить удар до последнего, но если уж бить, то сокрушительно, подобно гневу небес. Я невольно подозреваю, что ряды Павильона Цяньчун уже наводнены людьми Императора Юньдэ и у него есть абсолютная уверенность, что он заставит нас покориться, стоит ему лишь получить формальный повод для нападения.

И будучи внуком главы Павильона Цяньчун, я подхожу на роль фитиля лучше всего. Сложив воедино ключевые детали, Ци Чэн наконец осознал: чтобы возвысить Седьмого принца, ему придется противостоять не только Наследному принцу и Третьему принцу, но вдобавок и самому Императору Юньдэ. С первыми двумя ещё можно справиться с помощью хитрости, но с последним остаётся лишь одно — грубая сила.

Лицо Чэнь Чжуна отразило бурю ярких эмоций, он низко поклонился вновь:

— Этот старый слуга слеп и глуп, чуть было не натворил бед! Я сейчас же отдам приказ немедленно отменить операцию по эвакуации, чтобы утечка информации не навлекла на молодого господина лишних хлопот.

В душе он дал себе твердый обет: вернувшись в Павильон Цяньчун, он проведет тщательнейшую чистку и выжжет каленым железом все вражеские тайные закладки. К этому мгновению он уже безоговорочно поверил каждому слову Ци Чэна, и в его тоне прорезалось еще больше искреннего благоговения.

— Погоди, — усмехнулся Ци Чэн, поддерживая Чэнь Чжуна за локти. — Дядя Чжун, спешить некуда, я позвал тебя по еще одному важному делу.

— Говорите, молодой господин! Чем бы этот старый слуга ни мог помочь, я пройду сквозь огонь и воду, не задумываясь.

Ци Чэн не стал церемониться и прямо заявил:

— Мне нужно, чтобы ты собрал для меня подробные перечни всех владений и предприятий, принадлежащих людям Наследного принца и Третьего принца. Особенно меня интересуют золотые, серебряные, медные и железные рудники — чем подробнее, тем лучше. Доставь мне эти сведения в течение двух дней. И еще, не помешало бы хорошенько разузнать всё о Горе Хуан, возможно, нас ждут неожиданные открытия.

Едва он договорил, как из-за двери раздался голос слуги:

— Старший молодой господин, хозяин устраивает пир, извольте пожаловать.

— Сейчас буду.

В парадном зале поместья маркиза резкий и чистый перебор струн внезапно сменился тональностью: старинная цитра издала несколько высоких пронзительных звуков, напоминающих треск разбитого серебряного сосуда или удары волн о камне. Они разили прямо в сердце, но не казались неуместными. В тот же момент из боковых дверей рядами высыпали танцовщицы в длинных водяных рукавах, чей один лишь выход создавал ощущение воздушной легкости небожительниц.

Когда же девушки ступили на середину зала, мелодия цитры как раз достигла кульминации. В мгновение ока заплясали серебряные ленты, сливаясь с гроыхающим аккомпанементом в танец, полный холодной стали и звона мечей. Танцовщицы сменили рисунок шагов, и даже Ци Чэн, ни капли не смысливший в военном строю, уловил в их движениях некий скрытый смысл.

Это оказался настоящий боевой порядок, замаскированный под танец.

Ци Чэн слегка скосил глаза. Он сидел рядом с Седьмым принцем, и малейшего движения хватало, чтобы разглядеть его профиль. Взгляд Седьмого принца был сосредоточен и серьезен, а пальцы что-то чертили на столе — судя по всему, танец-строй всерьез захватил его воображение. Надо же, Защищающий Государство действительно умел угождать вкусам гостей.

Ци Чэн уже хотел отвести взгляд, но не удержался и задержался еще на мгновение. Профиль Чжоу Айфэна ничуть не уступал его лицу в фас: прямой гордый нос, рельефные надбровные дуги и черные, как смоль, брови, словно нарисованные мастерской кистью. Большой палец Ци Чэна невольно сжался в ладони — у него вдруг возникло безумное желание провести пальцем по брови Чжоу Айфэна, проверяя, подкрашены ли они на самом деле. Вздвогнув от собственной мысли, он торопливо отвел глаза и сделал большой глоток вина.

Крепкое вино обожгло горло, заставив Ци Чэна чуть высунуть кончик языка. Питье, подаваемое древними, вовсе не было разбавленной водой подделкой, а его нынешнее тело, похоже, совершенно не умело пить. Всего одна чашка — и щеки Ци Чэна уже покрылись румянцем. Он облизнул влажные от алкоголя губы: вино оказалось жгучим, но после острой обжигающей волны во рту оставалось бесконечное мягкое послевкусие. Посчитав это забавным, Ци Чэн приложился к кубку еще несколько раз. Не дожидаясь окончания танца, он сослался на хмель и удалился под предлогом слабости.

Вместо того чтобы вернуться в покои, Ци Чэн отправился к пруду во внутреннем дворе поместья. Здесь буйно зеленела трава, благоухали цветы, пейзаж радовал глаз, а воздух был необычайно свеж — идеальное место, чтобы протрезветь. Маясь от скуки, он сорвал ивовый прут и, полусидя, примостился на огромном, в человеческий рост, валуне у самой кромки воды. Полуденное солнце покрыло юношу золотистым сиянием, теплый ветерок коснулся лица, взметнув мириады черных прядей и обнажая слегка порозовевшую щеку.

[Цель задания появилась.]

Приблизившись, Чжоу Айфэн увидел именно такую картину, достойную кисти художника. Он невольно затаил дыхание и замедлил шаги, боясь нарушить безмятежный покой юноши.

К сожалению, юноша всё же заметил его. Его взгляд обратился к нему, а на дне глаз всё еще таились остатки тумана и влажный блеск. Чжоу Айфэн остановился, потому что Ци Чэн уже выпрямился и направился прямо к нему.

— Мое происхождение тебе было известно с самого начала, — поднял глаза Ци Чэн, и его чистый взгляд казался способным пронзить насквозь.

Легкий ветерок рябил гладь титрового пруда.

Нахмурившись, Чжоу Айфэн глухим голосом ответил:

— Да. И что с того?

Его взгляд скользнул ниже лица Ци Чэна: смоченная вином ткань на груди плотно обтягивала тело, сквозь мокрую шелковую ткань смутно угадывались контуры кожи. Разумеется, это заставило его невольно вспомнить брачную ночь, когда этот же юноша в алых одеждах лежал на постели, не испытывая ни малейшей тени осторожности.

Взгляд Чжоу Айфэна потемнел. Открытая кожа и без того манила, но едва проступающие очертания под одеждой будоражили воображение ничуть не меньше, так и подминая протянуть руку и своевольно исследовать запретное. Не обладай он железной силой воли с малых лет, он бы непременно опозорился на месте.

Однако, несмотря на бурю в душе, лицо Чжоу Айфэна осталось бесстрастной маской — он сумел не выдать и намека на смущение.

— Ничего, просто разочарование, — Ци Чэн вскинул подбородок, криво усмехнувшись. — Хваленый принц, чья храбрость гремит на всю армию, на деле оказался ничем не лучше марионетки, послушно танцующей по чужой указке. Что с меня взять?

Ци Чэн никак не ожидал, что Чжоу Айфэн признается с такой легкостью, но именно поэтому он невольно зауважал Седьмого принца еще сильнее.

Раз берешься за дело — отвечай за него, настоящий мужчина.

— Не нужно меня подначивать, сам прекрасно понимаешь, что у меня не было выбора, — Чжоу Айфэн не разгневался и неожиданно для самого себя пояснил свои поступки. — Если бы я не делал того, чего от меня ждут, думаешь, я дожил бы до сегодняшнего дня? И даже если отбросить всё: неужели ты веришь, что Император оставил бы в покое тебя, молодого господина Павильона Цяньчун?

Голос Чжоу Айфэна разительно отличался от его яркой, дерзкой и хищной внешности — он был необычайно глубоким и ровным, но давил на Ци Чэна тяжелым незримым весом. Тот нахмурился и тихонько отступил в сторону, не разделяя чужих взглядов:

— Седьмой принц, поступая так, вы лишь утоляете жажду ядом. Если вы не одумаетесь вовремя, то рано или поздно сгорите в собственном пламени. Я не в силах помешать тому, что делает Ваше Высочество, но и сидеть сложа руки я тоже не намерен!

— Ха-ха, — Чжоу Айфэн усмехнулся уголками губ и внезапно подался вперед. Согнутым указательным пальцем он зацепил подбородок Ци Чэна, а большим прижался к его гладкой коже.

Внезапное движение заставило Ци Чэна вздрогнуть. Расстояние между ними сократилось до предела, их дыхания смешались, и они явственно ощущали жар тел друг друга. — Не забывайте о своем положении, молодой господин Ци.

Чжоу Айфэн слегка прищурил глаза, в его тоне проскользнула угроза, а взгляд задержался на

ярко-алых губах Ци Чэна. Кончики его пальцев чуть сжались, и при виде того, как из-за боли губы юноши стали еще ярче и прекраснее, его сердце забилося не в такт.

Однако Чжоу Айфэн был бывалым воителем, настоящим богом войны, поэтому даже при всплеске чувств он не позволял другим заметить этого. Его свирепая аура больше не сдерживалась, жуткое давление выплеснулось наружу, полностью заглушив мимолетную перемену в настроении.

Выдерживать давление лицом к лицу с Чжоу Айфэном было для Ци Чэна тяжелым испытанием. Густое, удушающее ощущение сжатия заставило его мышцы инстинктивно напрячься — это чувство пугало его куда сильнее, чем столкновение с Чэнь Чжуном. Но легко идти на компромисс было не в правилах Ци Чэна. Даже будучи вынужденным смотреть в глаза Чжоу Айфэну и выдерживать такое давление, взгляд Ци Чэна оставался ярким, а в глазах, устремленных на Чжоу Айфэна, читались негибкость и твердость.

Чжоу Айфэн внезапно улыбнулся. Его рука скользнула по талии Ци Чэна вверх к спине, и словно вылитая из стали рука обвила спину юноши. Затем он наклонился и втянул губы Ци Чэна в свой рот!

— Мм...

Ци Чэн попытался вырваться, но Чжоу Айфэн крепко зажал его в своих объятиях.

Чжоу Айфэн изначально хотел лишь слегка прикоснуться, но губы Ци Чэна оказались до того сладкими, что простого соприкосновения было мало. Он убрал руку, державшую затылок Ци Чэна, и вместо этого сжал его подбородок. В то же время его язык разжал зубы и принялся хозяйничать во рту Ци Чэна. Слюна, которую тот не успевал сглатывать, потекла по уголку рта.

Взгляд Чжоу Айфэна стал еще темнее, ему так и хотелось продолжать сосать эти манящие губы и придавить источающего соблазнительный аромат юношу к земле, чтобы как следует обласкать. Вот только время еще не пришло, да и место было совсем не...

Поцелуй закончился. Ци Чэн злобно смотрел на Чжоу Айфэн, уголки его глаз покраснели от еще не утихшей страсти, а на ресницах блестели слезы, выступившие из-за нехватки воздуха.

Чжоу Айфэн подавил в себе порыв погладить эти полные жизни глаза, его несравненно красивое лицо стало еще холоднее, и он мрачно произнес:

— Ты — мой человек. Я буду жить — и ты будешь жить, я умру — и ты сможешь отправиться на смерть только со мной.

Бросив эти слова, Чжоу Айфэн наконец соизволил отпустить Ци Чэна и с довольным видом зашагал прочь. Его правая рука, скрытая в широком рукаве халата, продолжала машинально тереться о пальцы, пытаясь удержать только что ощущенную гладкость.

Он чуть изогнул губы, и в глубине его глаз промелькнул слабый интерес. Кажется, он начал к этому привыкать. Ци Чэн стоял на месте, яростно растирая подбородок, и весь дрожал от злости. Дождавшись, когда Чжоу Айфэн удалится, он обессиленно опустил на колени, а его спина насквозь промокла от пота.

— Чжоу Айфэн, неужели ты думаешь, что я могу жить только благодаря тебе? Ты ошибаешься! В качестве молодого господина Павильона Цяньчун стоит мне лишь помочь Наследному принцу взойти на престол, и у меня будет любое богатство и величие, какое пожелаю!

Император хочет использовать тебя, чтобы сдерживать Наследного принца и Третьего принца, но я пойду наперекор и разрушу хитроумные планы Императора Юньдэ! Подожди-ка...

— Хозяин, он ушел, хватит притворяться.

Ци Чэн едва не задохнулся, резко замер и чуть не поперёк горла встала собственная слюна. Он поднялся на ноги, отряхнул пыль с длинного хапо, бросил взгляд в сторону искусственной горки и с вздохом произнес:

— Надеюсь, всё это не впустую.

— Хозяин, не сомневайтесь в своем актерском мастерстве. Эта система может бесплатно предоставить вам удаленный мониторинг: если Ци Динфэн не отправится к Наследному принцу, я съем дерьмо в прямом эфире.

Уголки губ Ци Чэна дернулись, но спорить с Доу Сюн он в итоге не стал. Он повернулся, поднял брошенную им на землю ивовую ветвь и принялся рассеянно вертеть ее в руках, прокручивая в памяти то, что только что произошло. Еще когда он покидал пир, система подсказала ему, что Ци Динфэн увязался следом. Изначально он планировал немного поворчать, чтобы Ци Динфэн «случайно» услышал это и таким образом узнал о его статусе молодого господина Павильона Цяньчун, а также о его намерении присягнуть на верность Наследному принцу. Вот только он никак не ожидал, что Чжоу Айфэн тоже увяжется за ним, поэтому план пришлось менять на ходу.

Но больше всего его поразило то, как подыграл Чжоу Айфэн. Никаких репетиций между ними не было, и Ци Чэн даже не успел дать ему хотя бы малейшего намека, а Чжоу Айфэн уже уловил его задумку и идеально разыграл с ним этот спектакль.

Иметь столь понимающего с полуслова напарника — поистине невероятное удовольствие, если бы только этот напарник в самом конце не начал пороть чушь.

— Динь! Вы получили системное сообщение: поздравляем, количество ваших подписчиков выросло до двадцати, получено два леденца 66. Леденцы — базовый предмет для обмена на уровень культивации, курс обмена один к одному. Не ожидал, что хозяин так быстро соприкоснется с системой культивации, похоже, вы уже постигли истинный смысл прямых трансляций, — вовремя пояснила система. Истинный смысл? Ци Чэн немного поразмыслил: за последние дни он не делал ничего особенного — либо сидел в Резиденции Седьмого принца и упорядочивал собранную информацию, либо сегодня разыграл как по нотам спектакль вместе с Чжоу Айфэном в поместье маркиза. Неужели так называемый истинный смысл заключается в том, чтобы мертвой хваткой вцепиться в главный объект задания? Ци Чэн с досадой приложил ладонь ко лбу, а в мыслях перед ним возникло вырубленное топором да резцом лицо Чжоу Айфэна. Он подумал: те, кто смотрит трансляции, обращают внимание исключительно на внешность, ведь чье-то лицо способно перевесить все его лихорадочные расчеты и многодневное планирование. А ведь он считал, что слова, сказанные им перед дядей Чжуном, тоже звучали весьма эффектно!

Маленький Светящийся Шарик выплыл наружу: [Хозяин уже активировал систему обмена силой культивации и в любой момент может обменять подарки на уровень культивации. Например, в мире Закаливания Тела, где сейчас находится хозяин, система самосовершенствования делится на три ступени: Стадия Закладки Меридианов, Стадия Закалки Костей и Стадия Пронизывающего Потока. Им соответствуют сто, тысяча и десять тысяч очков культивации. Из-за различных ограничений вроде формы духовной энергии и

методов культивирования классификация ступеней в каждом мире отличается, когда придет время, я расскажу хозяине об этом подробнее.]

— Ты хочешь сказать, что я могу обменивать на ступени только силу культивации? — Ци Чэн мгновенно ухватил суть. — А не заниматься культивированием, как все остальные?

[Верно. И еще один момент: из-за различий в системах самосовершенствования накопленная сила культивации обнулится при переходе в следующий мир, обратите на это внимание хозяина.]

Что за бред? Зрочки Ци Чэна сузились, и он ошеломленно произнес: — Обнулится? Выходит, попав в следующий мир, мне придется начинать все сначала?

[Теоретически да, но подарки, присланные зрителями, не обнуляются.]

После слов системы Ци Чэн сразу все понял: подарки и сила культивации в конце концов — вещи разные. Сила культивации способна поддерживать его лишь в пределах одного мира, зато подарки могут сопровождать его повсюду. Иными словами, ему предстоит тщательно взвешивать, сколько силы культивации обменивать в каждом мире, чтобы, оставляя определенный запас, успешно выполнять задания.

— Тогда обменяй мне для начала на сто очков культивации, — Ци Чэн посмотрел в небо. — Я тоже хочу испытать ощущения великого мастера!

Два дня спустя. Главный зал Резиденции Седьмого принца.

Военные в доспехах, расправив плечи и выпятив грудь, выстроились в два ряда, протянувшиеся до самых дверей. Их прямые, словно острые копья, фигуры неподвижно застыли перед главным залом, внушая благоговейный трепет.

Даже самый старый управляющий в резиденции сейчас не смел приближаться к большому залу — он лишь согнулся в покорном поклоне далеко в стороне, ожидая приказаний хозяина. Когда Ци Чэн подошел, управляющий попытался отговорить его приближаться: Супруг Седьмого принца вел себя неприметно, и старый управляющий не испытывал к нему неприязни, однако нельзя было поручиться, что эти грубые вояки не оскорбят супруга принца. В конце концов, до него доходили слухи о том, как эти воины боготворят Высочество, и легко было представить, каково их отношение к мужчине, которого принц был вынужден взять в жены.

Ци Чэн прекрасно понимал опасения управляющего. Он слегка нахмурился, но не придавал этому особого значения. По его мнению, чем преданнее эти воины были Седьмому принцу, тем лучше. Как говорится, политическая власть рождается из ствола винтовки: раз в руках Седьмого принца сосредоточена военная мощь, способная угрожать самому императору, то чего ему бояться остальных? Надо полагать, Император Юньдэ тоже принял во внимание этот

фактор, когда в спешке отозвал Седьмого принца назад, чтобы тот не превратился в тигра, которого выпустили на волю.

Поразмыслив немного, Ци Чэн спросил: — Обед уже готов?

Управляющий почтительно согнулся: — Отвечаю Супругу принца: ничтожный уже отдал распоряжения кухне, и обеденный зал тоже приведен в порядок. Все эти воины — дорогие гости Его Высочества, ничтожный не посмел проявить к ним неуважение.

Заметив, что Ци Чэн собирается войти внутрь, старый управляющий снова предостерег его.

Ци Чэн кивнул: — Ты поступил правильно, но приказал ли ты кухне приготовить еды с запасом? Боюсь, девяноста порций им будет недостаточно.

Он уже расспросил систему, поэтому знал, что на кухне заготовили еду ровно на девяносто человек. Однако управляющий с некоторым удивлением глянул на Ци Чэна, подумав, что тот уже успел внедрить в резиденцию собственных соглядатаев. При мысли о том, что каждый его шаг может быть известен посторонним, по спине управляющего пробежал холодный пот.

— Вряд ли до этого дойдет, — выражение лица управляющего стало еще более почтительным, и он, немного поколебавшись, тихо произнес: — Всего в резиденции собралось шестьдесят два дорогих гостя, так что девяносто порций — это уже с большим запасом. Еда — не что иное, во всем нужен расчет, а если приготовить слишком много, неизбежно возникнет перевод продуктов. Его Высочество также строго-настрого запрещал транжирство и излишества, поэтому в резиденции редко остаются объедки, а окрестные арендаторы почти никогда не приходят сюда просить остатки еды.

Ци Чэн мысленно отметил про себя, что Седьмой принц действительно до крайности бережлив, хотя, пожалуй, это напрямую связано с его многолетней службой на границе. Отсутствие императорской роскоши и праздности в сочетании с выдающимися полководческими талантами этого человека — неудивительно, что он сумел заручиться всемерной поддержкой Армии клана Чэн.

— Аппетит у этих воинов, конечно же, не сравнится с обычными людьми. Обычный человек за один прием пищи съедает три-пять шэнов риса, но для них пять шэнов, пожалуй, лишь легкий перекус. Короче говоря, береженого бог бережет. Распорядись, пусть приготовят еще девяносто порций. Если что-то пропадет зря, запишите это на мой счет.

Управляющий со страхом в голосе ответил: — Слушаюсь!

Ци Чэн продолжил: — И еще: раз мы устраиваем пир для всех воинов, нельзя оказывать кому-то предпочтение. Главный зал резиденции едва ли вместит всех воинов, что уж говорить об остальных помещениях. По моему мнению, лучше освободить площадку для тренировки боевых искусств: во-первых, там просторно, а во-вторых, можно устроить показательные поединки для

развлечения. В любом случае, выдели побольше людей для помощи, а в остальном следуй указаниям Седьмого принца.

Управляющий закивал, мысленно накрепко запечатлевая слова Ци Чэна.

<http://bllate.org/book/22529/2379533>